

Добро и зло свободной воли

Гурский Николай Маркович

Злободневность заявленной темы соответствует текущим событиям в стране и в мире. В обществе, которое отчетливо поляризуется на враждебные классы, необходимо переосмыслить старые представления о добре и зле, свободе и воле. Остановимся пока на этих четырех понятиях. Возможно, сверяя свои рассуждения с семантическими значениями слов, мы придем к принципиально другому синтаксису, а от него и к совершенно другой риторике социальной речи. Если оставить общие понятия на произвол контекста, то каждый будет вкладывать в них свое значение, что неизбежно приводит к моменту, когда эти значения становятся антагонистическими и порождают "конфликт интересов". Когда в обществе налицо резкое размежевание на друзей и врагов, наступает пора для философов, социологов, лингвистов, логиков показать свою состоятельность через мудрость своей речи. Это экзамен, прежде всего, для сословия мыслящих. Не все люди философы, большинство прекрасно обходится без всяких философий, занимаясь своими привычными делами. Но если мыслитель не обозначит свои не релятивные, а вполне субстанциальные соображения и критерии смысла на предмет общественного согласия, то общество с неизбежностью распадается, вступая в области войны, раздора, вырождения, анархии. Мы рассмотрим внимательно только четыре слова, можно сказать - четыре грани единственного Слова, которые, будучи понятыми, формируют разумную общую цель для носителей языка.

Каждый текст в "злые времена" как тест. Тест на зрелость. Ибо только в случае совпадения артикулированной речи с внутренней интуицией добра, возможно реальное содействие Словом людям, пребывающим в неблагоприятных обстоятельствах, как внешних, так и внутренних, и оттого находящихся в замешательстве. А когда кто-то в замешательстве, тогда он хватается за "крепкую руку" тирана и насильника, не замечая того, что эта рука ведет его к гибели.

Мы исходим из того, что Слово, если оно исчислено, измерено и взвешено, выражает некий категорический императив и безусловно вносит в жизнь разумный порядок. Если оно не вполне понято, является только знаком мнения, сомнения, всегда релятивным, всегда отсылающим в дурную бесконечность "улучшения", то такое слово необходимо оставить вне сферы публичных отношений, за пределами рес-публики человека.

Разве есть слово более волнующее душу русского человека, нежели "воля"? Прояснив его смысл, мы сможем понять "свободу" как совершенство воли, ее форму, образ. "Свобода выбора" предстает в этом случае как изъян языка. Чем мы выбираем? Желаниями. Но природа желаний нацелена на множество предметов желания. Все совершенно иначе с природой воли, поскольку она проистекает из единственного субъекта желаний, потому и проявляется только в по-велении, а повеление не выбирает. Воля, как высшее, исключительное, предельное желание. Воля вольная диктует и формы восприятия желаемого, а не просто принимает их по факту. Поскольку воля не выбирает, а проистекает как источник из единственной индивидуальности, то у нее нет проблемы выбора, расчета, распределения, только потому её приказы совершенны, её проявление не ущемляет ни одно живое сознание и её призыв слышит только равновеликая душа.

Воля превосходит любые желания "нрава", выдающие себя за последнюю, и тем она

превосходит систему отношений, основанную на неравенстве людей. По факту - люди не равны - у каждого свой нрав, каждому нравится что-то свое. Однако, воля отличает себя от нрава, тем, что превосходит его, превосходит сам факт неравенства своенравных. Это принципиальный момент. Как бы не пытались своевольничать своенравные, вольная душа с изрядной снисходительностью будет смотреть на дела и слова их. Одним людям дорого то, что им нравится и они берут в поводыри какое-то из своих желаний; другие слышат в себе приказ воли, словно бог говорит в них, и так они отличаются от первых. Именно, вольные люди вполне способны понять и признать идеал "равенства", всегда кажущийся нелепым для нрава. В индийской мифологии нрав персонифицирован в образе Индры (диал. "ндравиться", сюда же "антропос"), для воли же более подходит древнее славянское божество Велес. Вольной душе не бывает тесно среди других, поскольку волосок индивидуальной воли не располагается в едином для всех фактическом пространстве, но исключительно в сим-волическом, потому и не заражена терпимостью общества "равных прав", логикой "дома терпимости", но наделена имперской повелительностью личности в мышлении, слове, поступке. Пусть не смущает римское понятие "имперская", здесь мы его используем, чтобы подчеркнуть вектор авторитарной личной направленности. Наш Рим прекрасно ладит с Элладой, через понятие "свободы", которая подобно свету "алетей"-истины открывает нас навстречу друг к другу в чуткости "вольно-слушателей".

Голос воли есть голос разума, где нет разума, как различающего ума, там воля в заложниках у чувств, желаний, пристрастий. Разум различает области иерархической обусловленности, восходя от субстанциального начала к индивиду, и горизонтальной со-бытийности. На горизонте событий воля выражает себя вещанием, отстранившись от стремления к обладанию, она вещает свое необычное повеление. Если нрав ищет закрепить себя в законе (законодательстве), то императив воли необычен, - он совещателен, ибо имеет дело с другими индивидами. Воля - это не сила самодовольного своенравия, у каждого существа разная. Здесь нрав животных и нрав людей принципиально не отличаются. Люди равны животным по критерию своенравия, но люди равны друг другу по критерию индивидуальной вольности. Здесь воля создает не закон, но правила (правление, пра-воление). Правила воли, в отличие от юридических легальных прав и правил, вполне эстетические, - никогда не становящиеся формой обязанностей, но остающиеся маркерами желательности для каждого вольного духом. Правила воли есть форма ее свободы, форма социализации свободной повелительности. Прекрасно то, что проистекает из сущностного вольного истока. Когда воление встречается с другим индивидуальным волением, то вместе они создают эстетическо-косметический космос "правильности" - алетей.

Когда "оправляется" кошка, загребая лапами свои испражнения, можно предполагать в ней задатки, то ли забываемой, то ли развивающейся воли, функция которой в эстетическом оформлении своих выделений. Не будем торопиться приписывать ей утилитарные цели. Даже у животных вероятно дремлют зачатки воли, а следовательно и бескорыстная эстетическая мотивация.

Воля созидает вещи только в значении вещем и вечном. Вещи вне вещего смысла зловещи. Они склонны разлагаться и погибать. Пра-воля преодолевает распад и гниение, выявляясь как воскресительное преобразующее начало. Языком онтологии можно определить волю как "действенность бытия в отношении к сущему". Сущее-в-себе не действует, но "причиняет", каузально обуславливает предметы и явления, "неволит", и, только брошенное в бытие, сущее индивидуализируется, в себе открывает **предельную раздельность**

между вещами сущего, узревает их как самостоятельно-сущие. Бытие выступает как фактор абсолютного разделения, но только здесь и становится возможным говорить о сходстве и подобии разделенных сущих. Осуществляет уподобление мышление, которое равнозначно волеию. До тех пор пока человек не открыл в себе свою волю он покорен обуславливающему механизму сущего, потому и разделяет мышление на "теоретическое" и "практическое". Такое разделение неведомо для эллина, понимающего "теа" как явное и вполне деятельное узрение вещей (как тут не вспомнить про "трансцендентальное единство апперцепций"). Сущее, замкнутое на себе, неспособное к существованию, но только к "житию" во времени, вынужденно раскалывается на позитивно сущее и негативно сущее, по логике "истины-лжи", тем порождая внутри себя раздор. **Жить "не по лжи" такая же жуть, как и "по лжи"**. Только в брошенности в существование, сущее подхватывается мышлением, которое волит все сущее, но не неволит. Сущее, посмевшее открыться к Бытию, выступает как свободная форма само-бытного сущего, отдельно уподобляемого. Действительная само-деятельность не искажает при-роду вещей, но пробуждает её особым формально о-правленным языком действительной власти, с его ресурсом проективного влияния. Со-деятельное дление, с-праве-дливое **дление** отлично от временного дления сущего-в-себе-и-для-себя, и преодолевает **тление**.

Когда сущее схватывается свободным пониманием себя (осмысляется), оно начинает **смеяться**, ибо "о-казывается" окоемом по-каза всех отдельно явленных вещей навстречу друг другу. То есть, видит себя снаружи и растерявшим своё дление себя как единого (одного, единичного). Это онтологический **смех смелости быть**. Бытиё, до срока скрытое вниманием к предметной череде, в этот момент обнаруживает себя как действующую силу воли, миро-любивую, мир-волящую и милостиво разрешительную, насмешливую в областях принуждения и насилия и радующуюся среди равных. "Единство сущего" скрывало до срока мир воли, пока не было понято окончательно, и отсюда распалось на множество волящих существ. Каждый отдельный индивид, когда вполне понимает себя как несомненное единство, тотчас прозревает индивидное в других и прекращает подстраиваться и подлаживаться под коллективистские представления. Словно открывает рай как роение вольных душ.

Желаемое единство сущего, выдаваемое за действительное, функционирует как система власти над многими. Множество здесь сводится к единству класса. Но реальное единство, достигнутое индивидуальным пониманием, функционирует в режиме разума и это не класс включающий в себя множество, но "воображаемое установление общества". И знаком такого "единства" ему служит улыбка благожелательности, обращенная к Другому.

Свободная особь конкретной понятливой личности оказывается изгнанной из всех классифицирующих родов - "человечности", "народа", "племени" и даже "семьи" как класса. С чем же она остается на своем "идиотическом" месте? С формальным символическим языком и индивидуальным волнением, в котором - предошущение встречи с подобными себе языками. Круг "своих" как племя света, как общая "слобода". Только в этом кругу вместе со своими личность свободна. И круг это не замкнутое кольцо "избранных", но сим-вол исключительного события для каждой живой души, откровением разума и воли. "Свои" - это "пришельцы из будущего" для живущих во времени. Здесь из-обретается раса вечных, вещей, блаженных существ ресурсами вольного наречия. Здесь "русский дух", здесь превосходство "древней знати" над простолюдинами, живущими в непрестанной обусловленности обстоятельствами.

Нарциссизм "понимания-себя" следует прояснить. Нарцисс не просто любит свое отражение в озерной глади. Он видит себя Другим. Вот что бесконечно интригует. Это волшебное зеркало в-одной глади, как открытая дверь к Другому и снаружи. Внутренний и внешний Другой **со-держательно по-дражательны**.

Воля своим безупречным императивом невыносима для нравных людей, привыкших рассчитывать свои усилия, соразмерять их с усилиями других людей. Воля не рассчитывает, она всегда в-не-за-пна. Утверждая сущее в едином существе дела, воля тем самым говорит о своей способности из-обретать Другого и позволять ему иметь собственную волю, из глины формирует Другого.

Свобода повинующаяся воле есть мудрость бытия. Мужество быть и мудрость осуществления. Сущее размыкается. Индивид здесь не делится на "мужчину" и "женщину" принадлежащих одному роду - "человеческому", но сущностно разделяется на существа разного рода, когда второй род всегда вымышляется, а не утверждается как факт на общем основании "человечности". Да и сама "человечность" превращается в проект "вечности", а не факт данности во времени. Нрав вольной души обеспечивает в этом случае своеобразие каждого перед лицом друг друга. Забавно зримо избавление от власти видимого света и вызревание в новом свете своей особенности свежей, подобной утренней заре.

Иногда говорят: власти выгодно атомизированное общество, ведь ее принцип "разделяй и властвуй". Не противоречим ли мы себе, утверждая фантастическое сходство "разделенных"? Власть легко манипулирует разрозненными субъектами. Власть, при этом, подменяет собой сущностные связи людей друг с другом, всячески препятствует их возникновению, отвлекая внимание на свои "законосообразности". Но мы говорим о другой Власти, которая не манипулирует разрозненными субъектами на почве некоего синтетического основания, а налаживает отношения между вполне определившимися существами дела, обладает каждым и не принадлежит никому. Наша власть абсолютно миролюбива, но и предельно жестко холодна для всех "тепящихся" душ.

Свобода означает "свобода ради", когда она оправа особенного. Свобода означает "свободу для", когда она длит индивидуальное существование - "отсюда и в вечность". Особенное (свободный=особь) светится и тем разрушает власть всеобщего, которая на протяжении веков была "властью от бога" (духовенство) или "от кесаря", что в принципе, одно и то же. Настоящий бог - это и есть разумный индивид. Чем более высоко люди ставят над собой "божий суд", тем они более принижены и безвольны. Понимание свободы как мудрости сопричастности открывает нам обоженного чело-века, обоженного радио-активностью собственного света.

Славянское слово *свободъ* всегда связано только с одним греческим словом ἐλεύθερος - "свободный, вольный, независимый". Именно свободу мы рассматриваем в значении существа (через суффикс) истины-алетейи. Словом *свободный* обозначалась на Руси принадлежность к определенной этнической группе, которая, в свою очередь, обозначалась с помощью растительной метафоры – от глагольной основы с общим смыслом 'расти, развиваться' (Бенвенист, 1974, с. 355 и сл.). Корень *swos* – это возвратное или притяжательное местоимение, не личное, поскольку относится к любому члену данного коллектива и выражает взаимно-возвратные отношения. «Субъективность выражается как принадлежность» себе подобным (Бенвенист, 1974, с. 363); целая группа лиц как бы

сомкнулась вокруг «своего», тут важно не родство по крови, а родство породнения. Понятия "собины", "собства", "собственности", говорят совсем не о наличии чего-то у собственника, а выражают особенность каждого перед лицом своих, в круге символического породнения. Местоимение "свой", настолько не личное, насколько личность открыта и с-личаема с другими лицами, насколько она по-казательна, насколько она в свете. О каждом можно сказать "свой", однако, только о себе можно сказать "мой". "Мое" - темно, "свое" - светло. Мы могли бы сблизить с понятием "свободы" и такие далекие, казалось бы, понятия, как "свадьба", "судьба", но это предмет более детальных исследований. Так же и рассмотрение всех перипетий в отношениях "собственности" и "свободы", мы отложим на будущее. В книге Владимира Колесова можно найти богатый материал по истории русских слов (Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / Словоуказатель – Н. В. Колесова / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 1120 с.), нас же в данном докладе интересует смысловая размерность понятий "свободы" и "воли" в системе моральной определенности воли, то есть в системе, обычно предствленной в дихотомии "добра" и "зла".

Пришла пора поставить точки над і в одном трудном вопросе. В вопросе, чрезвычайно запутанном. Он уходит корнями своими к райскому выбору. Предполагаем, что и разрешение его возвращает в рай, к Древу вечной жизни. Речь пойдет о "добре" и... "благе", как действительно антиномической паре. Для массового сознания вполне понятна другая пара, отчетливая как белое и черное, - "добро" и "зло" - двойственность, элементы которой однозначны и потому проявляются в тупом противостоянии друг другу и, никакое усреднение здесь не рождает целостной гармонии. Такое противостояние несёт раздражение, слабость, утомление, - не жизнь, а агонию выживания. "Добро" и "зло" насколько очевидны - как день и ночь, - настолько и опасны выражая себя в двузначности языка. Опасны тем, что создают две разновидности мотиваций, которые искажают человеческое естество, в которых искажается лик живых. Религия Заратуштры говорила о попеременности правления "доброго" и "злого" божества. Христианство, несмотря на свой монотеизм, культивирует манихейскую дихотомию, без которой рухнет всё здание церковной иерархии. Попробуем разобраться, что здесь неладно, сделаем ре-визию смысла.

Зло не противостоит добру. Оно, скорее, искажение и сбойка, аритмия на путях добра. Можно определить зло как избыток энергии еще не усвоенный и неосмысленный силой добра, еще не ассимилированный его ритмом, его волей. Этот избыток прорывается в жизнь и застигает чистую природу добра, которая определяется двумя конституирующими составляющими - собственно, "добродетельности" и "благополучия". Невозможно прозреть природу добра, не уяснив смысл его ритмической силы и ее выражение в языке. Добро сопрягается с благом как вдох и выдох. И более того, "благость" добра, располагая предыдущим и последующими моментами, всегда стоит у истока времени, так оно синхронизирует события. Блаженны те, кто живет в синхронии событий.

"Жить-поживать, добра наживать". Собрать много чего можно и заблудиться-озаботиться в дебрях добра. Но есть слово звонкое, золотое - "зло". Если мы нашли подлинный антоним "добрю", что делать с "плохими" словами? Конвертировать в "другую валюту". Когда "злой" язык метафоричен, тогда он является проводником блага. В метафоре воля добра переиначивает "злые" имена, они становятся лучшими выразителями благости в человеке, на путях смысловой релаксации. Невротическое сознание мертвой хваткой держится за "хорошие" слова, противопоставляя их "плохим" и не замечает своей слепоты в отношении благодетельного добра. В поле метафорического языка нет принуждающего

влияния, прямого воздействия на Другого. Такой язык апеллирует к завершенности Другого и побуждает его к до-мысливанию себя. Можно говорить об эсхатологичности языка добра. Добродушие позволяет внимать языку метафор, как бы потустороннему, но наделенному харизмой таинственного очарования воли. Ругаться, браниться, говорить "нецензурные слова", настаивать на чем-либо уместно, если язык добродушен и иносказателен. Такая настойчивость не принуждает другого, но побуждает его промыслить своё собственное дело, в контексте проективной воображаемой общности. Добродушие человека говорит о завершенности доброго в человеке, и тогда оно вполне стыкуется с совершенством благодущия. Благодущные люди всегда словно заключают пари друг с другом на предмет изобретения воз-рождения взаимного родства. Добро -это человеческая выдержка и высокое напряжение духа, культура осмысленного труда. Благо же есть удовольствие и блаженство чистого мышления (брошенность в бытие), психологическая релаксация, вплоть до полного забвения ориентиров, наработанных в опыте добродейания. Когда добро не достигает своего предела на вершине индивидуального понимания, оно становится своеобразным мучителем для своего носителя, постоянно подталкивая его к выполнению "моральных обязательств". Когда дума или правительство изобретают "законы", призванные уберечь моральное начало в человеке, то они вымучивают и себя и других такими "законами", ничего морального не добавляя в общество.

До-бро со-бирает, до-бирает. Пока не добралось до своего конца, в его процесс вторгается избыток чуждых сил, не ассимилируемый системой охранительных оперативных установок "положительного" добра. Это вторжение может способствовать формированию ложной установки о самостоятельности зла. Одной из таких установок является понятие "греха". Греховность исчезает тотчас, когда добро оформляется в единственном смысле своём, когда оно - не мнение, чувственный настрой, моральное предписание, пристрастность, но утвердительность сущности в единственном существе дела. Здесь то и происходит "отпущение грехов". Здесь открывается изобильное поле благодати...

Благо есть пребывание в трате, дарении. Формы благо-дарения роскошны, избыточны ("злы"), бескорыстны. Незавершенное же добро следует логике: "даю, чтобы ты дал". Благодарению не присуща такая логика юридического равенства. Дарю, ибо сила моя переполняет меня. Равенство здесь в том, что акт дарения находится за пределами любого условного добродейания и является прозрением (теа-логией) блага, равноценного добру, и потому не ищет для себя никакой награды. Формы благо-дати эстетичны, иносказательны, всегда "сражаются", "противостоят", "противоборствуют" привычному, но действуют всегда заодно, солидарно-однозначно среди **благодарных**. Благой определяет добро цельно и тем включает его в себя, ибо существует снаружи. Благо не определяется, не улавливается добром, скорее предчувствуется им, является его надеждой, высшим ожиданием. Если добро - это воля, то благо -это свобода, суть - "в человеках благоволение".

Сократ называл злом невежество, тем сохраняя сознательную утвердительность добра, не создавая искусственной дихотомии. Требовалось только сформировать доброе в языке майевтическим вопрошанием, различением значений. Собственной смертью Сократ обозначил краевое-моральное (морес-смерть) значение добра, что позже повторил другой человек - Иисус. Однако Аристотель уже полагал зло самостоятельной сущностью, что и раскололо мир, сделав людей сомнительными существами, способными только обмениваться

мнениями. Аристотель открыл двери в ад. Но величие Аристотеля в том, что он окончательно разделил индивидов. На древе Порфирия все связи по вертикали обрываются в нижнем, шестом по счету виде субстанции - "человеке". Платон, Сократ, Цицерон - это имена индивидов не включенных ни в какой класс сущего. Невежество может властвовать над частностями мира, но не в силах одолеть существо мира - человеческую индивидуальность.

Отсутствие сомнения - абсолютно новое качество человеческого существа. Здесь весь смысл Евангелия. Не такое простое это качество, да и не качество в обычном понимании этого слова, но сама сущность. Видимая несомненность фанатиков, убеждённых в своих частных установках, легко обнаруживает свою несостоятельность при более внимательном взгляде, показывает себя как механизм маскировки, самосохранения, замкнутый на себя, обиженного, одинокого, неуверенного в себе существа. Не то несомненность добра. Такая несомненность делает человека мировым существом, великодушным и благожелательным, сторонящимся фанатиков каких-либо частных убеждений и приветливого с ближними. Мир настолько чудовищно близок человеку, что он в ужасе и испуге отшатывается от его непостижимой безмятежности, вперяясь взглядом в среду обитания и ошибочно называя её "миром". Здесь он тешит себя иллюзией "действующего лица", будучи обывателем. Слова обывателя описывают некий коллективный гипноз, заземляющий смысл мирового добра. Обыватели похожи на обломки крушения "великого человека" и по инерции сохраняют внешнюю грамматическую связность в своих предложениях. Но, потеряв состоятельность вольного доброддея, обыватель становится похож на кошку закапывающую свои какашки, забывшей смысл того, что она делает. Слово, переставшее выражать существо дела говорящего, отчуждаясь от него, становится инструментом умерщвления проекта человечности.

Добро человеку заботится только о верном, вверенном ему знании и так культивировать "действительность". И негоже пользоваться словами не разумея их смысл. Добрый человек понимает жизнь по правилам доброго и вольного языка, так пребывая в благорасположенном показе целесообразного, отстраняясь от дихотомий обыденного (обиженного) сознания.